

Ермолина Анна Владимировна

Ermolina Anna Vladimirovna

соискатель Южного федерального университета

PhD applicant, Southern Federal University

**ЭКСПЛИКАЦИЯ ИРРАЦИОНАЛЬНЫХ
КОНЦЕПТОВ ЯЗЫКА
В КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКОМ
ДИСКУРСЕ****THE EXPLICATION OF IRRATIONAL
CONCEPTS OF LANGUAGE
IN CULTURAL AND PHILOSOPHICAL
DISCOURSE****Аннотация:**

Теоретико-методологическая экспликация основной иррационального влияния языка на современную культуру логически распадается на два фундаментальных исследовательских блока: теоретические основания иррационального влияния языка на современную культуру в рамках философской компаративистики и методологические основания иррационального воздействия языка в современных культурных контекстах. В культурно-философском анализе иррациональных аспектов языка методы лингвистики не работают. В рамках значимой проблематики предпринят поиск иных, специальных методологических оснований, которые бы обладали интегративными возможностями анализа языка именно в сопряжении с культурой, ее фундаментальными элементами.

Ключевые слова:

язык, языковые концепты, иррациональные концепты языка, культурно-философский дискурс, культура, экспликация.

Summary:

Theoretical and methodological bases explication of the irrational language influence on contemporary culture is logically divided into two fundamental research units: theoretical foundations of language irrational influence on modern culture within the philosophical comparative studies; methodological bases of irrational language influence in contemporary cultural contexts. In the cultural and philosophical analysis of irrational aspects of language, linguistics methods do not work. As a part of the required issues, the author undertook search for other special methodological bases that would have the integrative analysis capabilities of language in conjunction with culture, its fundamental elements.

Keywords:

language, language concepts, irrational concepts of language, cultural and philosophical discourse, culture, explication.

Научные трактовки языка на сегодняшний день многочисленны и разнообразны. Практически каждая концепция в рамках философии культуры содержит развитую или обозначенную идею понимания языка и его сопряжения с культурой: Ж. Лакан рассматривает язык как бессознательное, Ю. Хабермас [1] и М. Фуко [2] видят в языке некую социальную силу, П. Рикёр [3] определяет язык как необходимое условие онтологической рефлексии, П. Фейерабенд провозглашает язык причиной, из-за которой невозможно проводить рефлексию научных теорий, и т. д. Как видим, понимания языка действительно очень сильно отличаются друг от друга. Однако они все объединяются двумя фундаментальными проблемами: желанием сделать язык опорой наиболее ясного и очевидного аксиоматического знания и стремлением синтезировать разнородные элементы культуры посредством языка. В конечном счете все указанные концепции разбиваются на две взаимовлияющие группы: гносеология языка, предполагающая его формализацию, рационализацию и методологизацию, и онтология языка как его иррационализация и социологизация.

Современные культурфилософские концепции исследования языка, несмотря на их многообразие, показывают ограниченность чисто рациональной трактовки языка, как и чисто иррационального его понимания. Этот факт приводит к выводу, что необходимо формировать общие научные основания для синтеза рациональных и иррациональных концепций языка. Присутствие иррационального в языке в процессе культуротворчества есть неотъемлемое условие самого рационального в языке, его причина и сторона его диалектики. Рассматривая концепции рациональности языка в философии культуры, можно сказать, что они утверждают свою истинность посредством постоянного противопоставления иррациональным культурфилософским концепциям.

По-другому возникают концепции иррациональности языка, представляющие из себя, собственно говоря, максимально развернутые в том или ином контексте определения иррационального, сначала опирающиеся на просто логическое отрицание качеств рационального, а затем пытающиеся найти собственные, не зависящие от рационального основания. Эти основания действительно можно найти везде, где имеет место что-то неосознаваемое, непознаваемое, невыразимое или непонятное. Тогда онтологизация, рационализация, реификация и т. п. этого нечто порождает соответствующую концепцию иррационального.

В иррационализме XIX в. разум эстетизируется, появляется романтизм, имеющий большое значение для формирования концепций С. Кьеркегора [4] и Ф. Шеллинга [5]. Разум в их философии

просвечивает сквозь иррационализм, описывается иррациональным способом, в иррациональной форме. Сам романтизм, эстетизм и иррационализм в конечном счете приводят и Кьеркегора, и Шеллинга к религии. Именно эстетическое в разуме наиболее ярко проявлено в концепциях иррационалистических. Также диалектика рационального и иррационального в языке показывает себя и в концепциях таких мыслителей, как А. Шопенгауэр [6] и Ф. Ницше [7], которые поняли, что деятельность человека в сфере языка искусства определяется и управляется единственным фактором – его волей (Wille). Этот волевой момент и есть побуждение к действию, он морализирован, аксиологизирован и этически выявлен. Для Шопенгауэра иррациональное – Воля – есть прежде всего некое абсолютное, трансцендентное начало бытия. У Ницше воля представлена как *Wille zur Macht* – воля к власти, реализуемая в конкретной исторической и социально-культурной ситуации. Разумность человека для Ницше – это понимание момента переоценки всех традиционных ценностей, приведших к слабости человека и человечества. Эти ценности зиждутся на христианской морали рабов. Разум человека, считает Ницше, должен преодолеть некую аксиологическую ограниченность, стать по ту сторону добра и зла, научиться проявлять свою волю как единственную движущую силу сильного социально значимого человека. Аксиологический нигилизм и переход от аполлоновской морали к дионисийской делают возможными эволюцию человека в сверхчеловека, новое свободное общество, новую культуру.

В XX в. экзистенциализм продолжает указанную иррационалистическую тенденцию вообще и языка в частности, онтологизируя иррациональное толкование культуры и антропологического бытия. Несмотря на разные направления экзистенциализма – онтологический в лице М. Хайдеггера [8], религиозный (Г. Марсель, К. Ясперс, Н. Бердяев, Л. Шестов, М. Бубер) и атеистический (Ж.-П. Сартр, А. Камю, С. Бовуар), он глубоко иррационален и возникает как попытка формирования нового мировоззрения, направленного на постижение внутреннего мира человека, его экзистенции, выраженного посредством онтологии языка. Экзистенциализм является реакцией на диктатуру рационализма эпохи Просвещения и немецкого философского классицизма, на позитивизм. Слабость рационального мышления, по мнению экзистенциалистов, состоит в его позиции противопоставлять субъект и объект. Поэтому весь мир для рационалиста есть всего лишь объект познания.

Анализируя логику формирования иррациональных концепций языка в философии и философии культуры, можно выявить следующие интересные, на наш взгляд, моменты: это особый познавательный механизм, абсолютизация определенных гносеологических непримиримых позиций, концептуальные реакции на рационалистические системы. Так, В. Виндельбанд в баденской школе неокантианцев обосновывает фундаментальное отличие естественно-научных методов от общественно-исторических [9]. Виндельбанд убежден, что общие законы и закономерности несоизмеримы с конкретными фактами бытия, которые невозможно выразить посредством общих понятий разума. По мнению немецкого философа, в индивидуальном бытии и истории всегда присутствует нечто непознаваемое, неизреченное, непреодолимое. В своей работе «История новой философии» Виндельбанд видит причину возникновения иррационализма в ослаблении рационализмом позиций в универсальности и абсолютности классического немецкого рационализма. Таким образом, иррационализм языка нельзя игнорировать как явление, отрицающее, отвергающее и разрушающее традиционную культуру. Поэтому иррациональные основания языка и их влияние на культуру являются, на наш взгляд, одним из приоритетных направлений современного культурно-философского знания.

Проблема языка в философии культуры и философии вообще формулируется в большей степени как проблема отношения языка к мышлению. Л.М. Терман и М.-А. Меррилл, рассматривая интеллектуальные различия людей, причины их успехов и неудач, отмечают: «На этих уровнях основные интеллектуальные различия между индивидами сводятся по большей части к различиям в способности к понятийному мышлению, и ее легче всего исследовать посредством вербальных тестов. Язык, по существу, является стенографической записью высших мыслительных процессов, и уровень, на котором эта запись ведется, одна из самых важных детерминант уровня процессов самих по себе» [10].

Таким образом, выявляется одна из наиболее важных сторон понимания языка в его соотношении с мышлением. Однако такой логицирующий подход не является абсолютным, за его рамками остается проблема самобытности языка как феномена особого рода. В таком подходе язык невозможно свести лишь к мышлению, он является нечто большим, чем просто инструмент мышления. Рассмотренные концепции, подходы к пониманию языка в философии культуры, философии, лингвистике, семиотике позволяют выделить одну из фундаментальных проблем изучения языка: проблему иррационального. Игнорирование этой проблемы приводит современную науку в гносеологический тупик. Без анализа и интерпретации иррационалистических концепций языка в сопряжении с современной мультикультурной парадигмой глобализма многие актуальные проблемы вряд ли будут решены. Понимание противоречивых теоретико-познавательных

процессов в философии культуры посредством использования рациональных и иррациональных языковых моделей будет способствовать созданию новой языковой методологии познания культуры. Чем более глубокий анализ мы совершаем, изучая язык в философско-культурологических концепциях, тем более четко выделяются его иррациональные основания.

Ссылки:

1. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1993. № 4. С. 43–63.
2. Фуко М. Слова и вещи. СПб., 1994. 408 с.
3. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. М., 2002. 624 с.
4. Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993. 383 с.
5. Шеллинг Ф.В.И. Философия искусства. М., 1966. 496 с.
6. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т. 1 // Шопенгауэр А. О четверояком корне... Мир как воля и представление. Т. 1. Критика кантовской философии. М., 1993. С. 125–132.
7. Ницше Ф. Несвоевременные размышления // Ницше Ф. Полное собрание сочинений. М., 1910. Т. 4. С. 54–67.
8. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993. 447 с.
9. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. В 2 т. Т. 2. От Канта до Ницше. М., 2000. 512 с.
10. Terman L.M., Merrill M.-A. A preliminary study of the psychology and pedagogy of leadership. Boston, 1937. P. 5.